

КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Ю.П. Шабает

Язык как инструмент культурной сепарации регионального сообщества

УДК 572

Для формирования благоприятной социально-культурной обстановки в регионах Российской Федерации и поддержания межнационального мира важную роль играет языковая политика. Решения регионального руководства в сфере обучения языкам народов России должны приниматься на основе продуманных экспертных заключений. От качества экспертизы зависит качество региональной образовательной политики.

Ключевые слова: языковая политика, межнациональный мир, социологическая экспертиза.

Yu.P. Shabajev

Language as a tool of cultural separation of the regional community

The language policy plays an important role in creation of favorable social and cultural conditions in the regions of the Russian Federation, because it is maintaining the international peace. Decisions of the regional leadership in the field of the Russian people language teaching should be based on the sound expert advice. The quality of the regional educational policy depends upon the quality of the examination.

Key words: language policy, inter-ethnic peace, sociological expertise.

В последнее время дискуссии, связанные с языками, с преподаванием языков меньшинств, приобретают все более активный характер и нередко крайне конфликтный. Так, обсуждение статуса русского

языка на Украине привела к драке депутатов украинской Рады, а откликом на это событие стало специальное заявление Московского бюро по правам человека «О принципах государственной языковой политики». У нас в республике обсуждение языковых проблем в последний год также крайне активизировалось, хотя эти проблемы и ранее регулярно становились предметом публичных дискуссий. Обсуждение языковых проблем часто приобретает эмоциональный характер, но все же участники обсуждений пытаются обосновывать свои позиции различными аргументами, хотя многие из этих аргументов, на мой взгляд, не выдерживают критики. Мне представляется, что и в нашем случае, как подчеркивается в заявлении бюро по правам человека, надо говорить, прежде всего, о *принципах* языковой политики, и в числе этих принципов крайне значимыми являются: 1) поддержание гражданского согласия в обществе, 2) строгое правовое обеспечение и соблюдение основных прав личности, 3) ясное понимание целей и задач языковой политики как местными властями, так и простыми гражданами, 4) согласованность региональной политики с общефедеральной культурной политикой в целом и государственной национальной политикой – в частности.

Пока никто и никогда в Республике Коми (исключая официальных лиц) четко и определенно не говорил и не писал об этих принципах, что позволяет думать, что языковая политика в республике носит скорее спонтанный характер, нежели представляет собой обоснованную и продуманную *программу действий*, целенаправленно и последовательно реализуемую всеми заинтересованными сторонами и обеспеченную как кадровым потенциалом, так и финансовыми ресурсами, хотя государственные решения в этой сфере принимаются весьма основательные.

Как известно, после принятия республиканского закона о государственных языках в 1992 г., были разработаны и принята программа развития коми языка в качестве государственного и затем – программа развития русского языка. Но сегодня вся сложная проблематика языковой политики и региональной государственной национальной политики вообще все более сводится к практике внедрения коми языка в школьное образование.

Некоторые сторонники усиления роли коми языка в местном социуме предлагают меры, которые могут нарушить социальную стабильность и позитивный культурный диалог между этническими об-

щинами. В частности, наиболее радикально настроенные «реформаторы» предлагают всех чиновников в Коми насильно заставить учить коми язык, резко расширить представительство коми языка в средствах массовой информации и т.д. При этом, согласно данным последней переписи населения, 40 % коми называют русский родным языком, а если говорить об использовании русского языка в семейном быту и о языковых компетенциях, то очевидно, что доминирование русского языка во всех сферах не может подвергаться сомнению. Поэтому изменить такую языковую среду, равно как и сами языковые предпочтения наших граждан будет очень сложно.

Между тем не вызывает сомнений, что есть достаточно большое количество людей, которых тревожит положение коми языка и которые заинтересованы в его успешном функционировании и развитии. Их заинтересованное стремление к развитию языка необходимо поддерживать, но *поддержка должна носить сугубо рациональный характер* и исключать попытки решения культурных проблем одного этнического сообщества за счет других или путем навязывания культурных ценностей одной культурной группы другим группам.

Однако сегодня благая цель сохранения и развития языка реализуется не через разработку *эффективных моделей языкового строительства* и не через его пропаганду и создание благоприятного культурного климата, а методом лобовой «фронтальной атаки», попыткой стремительно навязать всему территориальному сообществу не УВАЖЕНИЕ К КОМИ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ, а ПОДНЕВОЛЬНУЮ ОБЯЗАННОСТЬ УЧИТЬ КОМИ ЯЗЫК. Если эта практика станет нормой, то коми язык и культура будут восприниматься некоми населением не в позитивном плане, а негативно, что крайне нежелательно с точки зрения сохранения межнационального мира и согласия в республиканском социуме. У меня создается впечатление, что в республике есть силы, которые намеренно форсируют внедрение коми языка в школах с тем, чтобы усилить конфликтность в местном сообществе, чтобы довести ситуацию до абсурда и затем в «мутной воде» общественного недовольства реализовать свои сиюминутные интересы. С практикой подобного рода Россия уже сталкивалась, когда на Западе была организована кампания «в поддержку марийского народа». Весь народ был объявлен в опасности после того, как активиста марийского движения Козлова избили хулиганы.

Сегодня тревожит еще и то, что никто не озабочен главным: будут ли школьники *действительно знать коми язык* или обладать неким минимумом языковых компетенций. Навязчивой идеей стало САМО ПОГОЛОВНОЕ ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВСЕХ ШКОЛЬНИКОВ РЕСПУБЛИКИ к изучению коми языка.

Это опасная культурная политика, и уже сегодня очевидны несколько ее негативных последствий. Она вызывает серьезное недовольство родителей учеников, а потому в Министерство образования поступают соответствующие обращения, на родительских школьных собраниях тема языкового обучения также регулярно поднимается, многие учителя в частном порядке выражают свое недовольство поспешностью и непродуманностью мер по введению коми языка в школах (ибо и качество преподавания, и качество учебников, учебных материалов, их острый недостаток вызывают много нареканий).

Таким образом, в публичном дискурсе сталкиваются две противоположные позиции: одна позиция – это стремление к быстрому и масштабному наращиванию присутствия коми языка в публичном пространстве регионального сообщества, другая – требование не навязывать коми язык, а предоставить людям право самим выбирать себе культурные ценности, включая язык обучения. Причем одна представлена в СМИ, а вторая фигурирует лишь на уровне общественных настроений (и в интернет-комментариях), что тоже не вселяет оптимизма. Каждая из позиций МОТИВИРОВАНА, но любая мотивация должна согласовываться еще и с НОРМАМИ ПРАВА.

Здесь полезно сослаться как на общие правовые принципы, так и на ряд международных и российских документов политического и правового порядка.

В этнополитике (национальной политике) принципиально важно не просто защищать культурные права личности, но соблюдать баланс между двумя основополагающими культурными нормами.

Первая правовая норма – это *право на отличие*. Это право предполагает, что каждый человек может относить себя к той культурной группе, с которой он себя в данный момент времени отождествляет (свободный выбор этнической принадлежности), каждый человек вправе говорить на том языке, который считает родным (свободный выбор языка), вправе обучаться на этом языке, вправе следовать тем культурным традициям, которые он признает (свободный выбор образа жизни). Другое дело, что, признавая право на отличие, государ-

ство не всегда берет на себя обязательства обеспечить его полную реализацию, ибо, к примеру, организовать обучение на корейском языке в Сыктывкаре или Воркуте и технически, и финансово будет затруднительно. В этом случае реализация права ложится на плечи самих граждан и государство может лишь оказывать содействие этому и не должно мешать. Более того, государство, прежде всего, призвано продекларировать права и подтвердить приверженность им, но что касается выбора культурных предпочтений, то здесь государству желательно придерживаться нейтралитета, ибо иначе идея свободы выбора культурных ценностей будет подвергаться сомнению (касается ли это свободы вероисповедания или языка общения).

Вторая правовая норма – это *право на культурную свободу*. Идея культурной свободы означает, что каждый человек сам выбирает себе культурные ценности, включая язык. Названный правовой принцип означает, что свободный выбор культурных ценностей предполагает возможность смены культурной идентичности (в том числе и этнической принадлежности), что никто не вправе ни навязывать человеку ценности, ни препятствовать ему менять свои культурные ориентации. Это, в частности, означает, что попытки насильственно заставить людей изучать язык народа на том основании, что люди заявляют о своей принадлежности к данному народу (проявляют с ним культурную солидарность) есть прямое покушение на культурную свободу личности. У нас есть люди, которые берут на себя роль культуртрегеров, и указывают остальным, на каком языке те должны говорить, в какого бога верить, какой образ жизни вести, выступая в роли современных конкистадоров, обучающих наивных индейцев «истинной вере», «праведному поведению» и откровенно вторгаясь в ту сферу, где выбор должен делать сам человек. Это не просто прямое покушение на права личности, это еще и откровенное неуважение к собственным согражданам, которые вполне в состоянии сами решать, какой выбор сделать.

Достойный ответ современным культуртрегерам был дан в докладе ООН о человеческом развитии за 2004 г. (консультант – лауреат Нобелевской премии Амартия Сен), где идея культурной свободы была обоснована и подтверждена как одно из основополагающих прав личности. В докладе отмечается, что государство, поддерживая культурную свободу, заинтересовано, прежде всего, в культурном единстве своих граждан и именно на это направлены его основные

усилия: «...Если в этнических и религиозных вопросах для государства возможно и даже желательно оставаться “нейтральным”, подобная позиция в отношении языка является непрактичной. Понятие гражданства требует общего языка для укрепления взаимопонимания и эффективной коммуникации. Ни одно государство не может позволить себе обеспечивать услуги и выпускать официальные документы на каждом из языков, используемых на его территории».

Помимо общих правовых принципов, на которые я сослался, важно обратить внимание и на документы.

Так, «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) в статье 26 провозглашает: «Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми, религиозными группами...» Но Декларация есть преимущественно политический документ. Однако в международных правовых документах указанный выше принцип также зафиксирован. В частности, в «Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах» (1966 г.) в статье 13 отмечается, что «государства (и соответственно их институты на местах) обязуются уважать свободу родителей... выбирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы... отвечающие тому минимуму требований для образования, который... может обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями». А в разъяснениях к указанному пакту, размещенных на сайте ООН, говорится о еще двух требованиях, которые вытекают из положений названного пакта, а именно: требовании ПРИЕМЛЕМОСТИ и АДАПТИВНОСТИ, предлагаемых форм образования. Приемлемость означает, что форма и содержание обучения должны быть приемлемыми и для учащихся и для их родителей, а адаптивность означает, что эти формы должны быть гибкими.

Наконец, практика образования, распоряжения региональных властей должны соответствовать федеральному законодательству, а не только международным правовым нормам и принципам. Здесь важнейшее значение имеет Закон РФ от 25 октября 1991 г №1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями от 24 июля 1998 г., 11 декабря 2002 г.). В пункте 3 Статьи 2 данного закона однозначно сказано: «Российская Федерация гарантирует каждому право на использование родного языка, свободный выбор языка общения,

воспитания, обучения...» и хотя Статья 7 говорит о поддержке программ сохранения и развития языков народов РФ, нигде не предусмотрено принудительное обучение языкам меньшинств. Более того, опросы населения, проведенные в РК, неоднократно показывали, что все респонденты (независимо от их этнической принадлежности) поддерживают саму идею преподавания коми языка в школах республики, но большинство выступает за то, чтобы дети и их родители могли осуществить свободный выбор как самой формы обучения (предмет учебного плана, факультатив), так и необходимости изучения языка.

В этой связи вызывает удивление и вопросы сообщение о проведенном усилиями активистов «Коми войтыр» социологическом исследовании, целью которого являлся анализ отношения родителей к изучению коми языка в школе (см. «Бизнес-новости Коми» – 18.05.2012). Первый вопрос касается того, зачем и почему люди, не имеющие представления о социологии вообще и методике социологических исследований, в частности, берутся за проведение подобных исследовательских работ? Они ведь не могут даже методически корректно составить анкету. А неправильно составленная анкета уже не позволяет считать результаты исследования корректными.

Но я как профессионал, который более 30 лет занимается этносоциологическими исследованиями, должен оценить и некоторые другие «особенности» названного исследования. Во-первых, поражает само количество опрошенных (2667 родителей). Опросить такое количество респондентов при стандартной процедуре опроса очень и очень сложно, и такие массивы, как правило, присутствуют при общероссийских опросах. Но если проводить опрос по разнарядке, то такая цифра не кажется запредельной. А когда опрос проводится по разнарядке, то и результат получается заранее заданным: «Отстаньте. Все хорошо!» Во-вторых, удивляет, что массив анкет, судя по указанной публикации, обрабатывался не в одном месте (и очевидно не по программе SPSS), а следовательно, и ответы родителей могли разными «обработчиками» трактоваться по-разному. Подобная практика методически недопустима, и профессионалы это хорошо знают. В-третьих, авторы проекта или не умеют считать, или не понимают элементарной социологической логики, поскольку объединяют в единый массив респондентов с разной позицией и разным отношением к преподаванию коми языка. Так 32,9 % респондентов с НЕЙТРАЛЬНОЙ

позицией («которые избрали вариант ответа «надо так надо») объединили с теми, кто однозначно поддерживает идею внедрения коми языка в программы школьного обучения. И в итоге получилось, что названную идею поддерживает подавляющее большинство опрошенных. В результате нехитрых манипуляций меньшинство превращается в большинство. Не только для эксперта, но и для любого здравомыслящего человека понятно, что подобный метод подсчета есть откровенная натяжка, но возникает вопрос: зачем она нужна и почему авторы исследования не проконсультировались с профессионалами? Видимо, цель была иной, а потому корректные и правильные выводы не очень были нужны. В противном случае анкета была бы дополнена вопросами, касающимися формы преподавания коми языка, которую родители считают предпочтительной, а именно: обязательные уроки по школьной программе, факультативные занятия или иные варианты. При этом не надо было ничего изобретать, *ибо широкое сравнительное социологическое исследование языковой политики в финно-угорских регионах уже было недавно проведено* под эгидой института этнологии и антропологии РАН, и его результаты опубликованы. Мягко говоря, они не совсем согласуются с выводами местных ново-явленных «социологов».

Теперь еще об одном важном элементе существующей у нас в республике практики оценки значимых социальных и культурных проблем. Очень популярным стало создание экспертных советов при ведомствах и общественных организациях. Эти советы должны (по самому своему предназначению) давать объективную оценку существующим проблемам, но... Но они часто формируются исходя либо из ведомственных, либо из иных интересов, далеких от цели объективного анализа, а потому экспертными советами в точном смысле этого термина не являются. Более того, почти никто из тех, кто у нас заявляет о себе как об эксперте, не числится в состоявшихся и зарекомендовавших себя экспертных сообществах и группах, наши «эксперты» не внесены в федеральные реестры экспертов, не имеют свидетельств эксперта, т.е. с профессиональной и с юридической точки зрения их «экспертные заключения» мало что значат.

Логике «назначенного эксперта» следовали и авторы вышеназванного «исследования». Чтобы доказать «легитимность» своих выводов они сослались на то, что их консультировал квалифицированный социолог (А. Конюхов), профессиональная деятельность которо-

го, однако, больше связана с административной деятельностью, но не с серьезной наукой. А попытки его проводить самостоятельные исследования, как правило, вызывают лишь недоумение у специалистов. В 2003 г. он уже проводил социологическое исследование, касающееся оценки языковой ситуации в Коми. По итогам исследования получилось, что среди некоми 14 % респондентов знают коми язык. Данные многих исследований можно проверить с помощью других более объективных показателей. В этом случае можно сослаться на результаты переписи населения 2002 г., согласно которым только 2 % некоми (русских, татар, немцев и т.д.) знают коми язык в той или иной мере. В социологии считается допустимой ошибка в 3–6 %, а здесь мы имеем ошибку в 700 %. Я лично указывал на сию «неточность» в своих выступлениях и публикациях. Серьезный профессионал после этого никогда бы больше не публиковал столь сомнительных данных, но названный «эксперт» это делал (и на них же сослались на прошедшей на днях языковедческой конференции). Верхом его «профессиональных достижений» стало исследование, проведенное на финские деньги в ряде российских регионов, итоги которого были опубликованы в виде отдельной книги в Сыктывкаре. Совместно с экспертом Госдумы мы написали рецензию на сей труд, где показали социологическую безграмотность авторов и прямо назвали сей труд псевдонаучным (см. журнал «Этнографическое обозрение», 2009, № 4).

Думается, однако, что надо не только призывать к профессионализму, когда речь идет об оценке важных социальных явлений и процессов, решении значимых местных культурных проблем. Важно еще и напомнить всем заинтересованным сторонам, что местное сообщество – это сложное поликультурное образование, которое было таким изначально. Здесь нет «главных народов», ибо это противоречит исторической правде и Основному закону РК и РФ, и поэтому всегда важно принимать решения, которые будут поддержаны всеми культурными группами местного населения, но не выдавать желаемое за действительное и не провоцировать непонимание и недовольство между ними. Собственно, на это нацеливает и указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия», где особо подчеркивается необходимость предотвращения межнациональных конфликтов. Имеются в виду не только открытые конфликты, но и латентные (скрытые), которые не менее опасны. Заклинания типа «у нас царит межнациональный мир и согласие» ныне никого не убеждают, ибо то

же самое говорилось в близкой к нам Карелии перед событиями в Кондопоге. Надо говорить сегодня не просто о языке, но о ЯЗЫКЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, и нужно четко и ясно определить цели и задачи языковой политики и государственной национальной политики вообще, причем очевидно, что в деле воспитания гражданского согласия и самого гражданина важное значение принадлежит именно школе.

Любые меры в области культурной и национальной политики вообще и в области языковой политики, в частности, не могут и не должны являться стимулом для усиления конфликтных настроений в региональных сообществах и в российском обществе в целом. На это нацеливает утвержденная в декабре 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Действия местных властей, связанные с реализацией языковой политики, вряд ли возможно оценивать как адекватные идеям и принципам названной «Стратегии».